

РУССКАЯ ИЗБА

(Попытка понимания философии русской самобытности)*

Доклад прочитан на Съезде русской православной общественности летом 1986 г.

При упоминании об избе чаще всего представляется или нечто сказочно-пряничное, изукрашенное, об одном окошке - вроде тех, из которых на страницах наших букварей Лиса Патрикеевна вызывала доверчивого Петушка, или наоборот, темная, грязная, тесная - злоталантливого Ейзенштейна, образ, навязанный нам слева и с Запада нашими недругами. Крепко навязанный. Так крепко, что реальному образу через **этот** и пробиться-то трудно, хотя свидетельств реальному образу - литературных, архитектурных, исторических - предостаточно! Получается некий парадокс.

Хозяин 1/6 обитаемой суши, который по личной инициативе распространял русскую культуру во все стороны - до Белого моря и до Черного, через всю Сибирь до Аляски, на Кавказ и Туркменистан-распространял не мечом, не декретом сверху - примером распространял (ту же избу стали местные жители, подражая ему строить, например буряты, зыряне и т.д.), обитатель избы, сынов которого ценили и выпрашивали для своей гвардии могущественные государи Европы - за силу, выносливость, смекалку, гигантский рост, статность, храбрость и покладистый характер. И щедушный, изнуренный, забитый темный мужичонко, живущий впроголодь чуть ли не в конуре. Эти два типа в единый образ никак не сливаются, и в мизерное жилище, нашему сознанию слева и с Запада навязанное очень трудно втискиваются.

И писатели, и художники в нашем познании русского исторического быта часто играют роль не лишком благовидную Суриков, например, умудрился бедного Меншикова посадить в такую избу, что если он станет, то как князь Гвидон вышибет крышу. Для суриковского художественного это дало очень убедительный штрих - "из князя - в грязь", но со свидетельствами об огромных избах а также с замерами - 3, 3 S, 4 метра высоты внутри избы не вяжется. Над дверьми обыкновенной избы (высота дверей 2, 2 S метра) делаются полати, и на них, хотя и пригнувшись, тоже нужно передвигаться (еще метра полтора). И того опять-таки 3 S - 4 метра высоты **внутри** избы. И остальные габариты избы 3-4 окошка с простенками тоже в 2-3 метра не вместишь, а на любой фотографии деревенской улицы 3-6-8 окон по фронту в избе подряд. То вдруг чудесная картина Рябушкина "Свадебный поезд": все в алье, зеленые шелка, бархат и парчу разряжены, а прохожие - чуть ли не по колено в грязи. Может, где оно было и так, но не там, где почва способствовала сохранению дерева веками (раскопано до 17 слоев мощной бревнами улицы - первые известные, как установлено анализами - IX века). Вот и делайте выводы. В каждом городе, в каждой семье даже - не без урода. Бывают конечно и неудачники, и больные, и пьяницы - Божьим наказанием или попущением: не нашего ума дело. Были и бедные избы, и мужички плюгавенькие. Вопрос в пропорции - что правило, а что исключение. Но если, глядя на случайные фотографии деревенской улицы (не намерено же советским издательством подобранные, чтобы доказать благосостояние русской деревни XIX-XIX веков!) я насчитываю подряд 6,8,10 изб с 8-12 окнами по фронту, я в праве предложить, что в этой деревне правило - не развалюшки, а именно вот эти красавицы, срубленные на века и разукрашенные, как невесты - не голодной же рукой!. Нам на загляденье, хозяину и потомкам его - на славу. Наткнувшись на эти парадоксы, мы два года жизни посвятили изучению материалов по русской избе. Глазам своим не верили, сверяли, рисовали. В частности - попала нам в руки книга - "Деревянное зодчество на Руси", издания Академии Наук 62 года. Книгу эту нам любезно предоставил один русский архитектор. Он же, увидев этот макет, презрительно махнул рукой: "Фантастика! Откуда такой дворец?" - "Гм... Гм... А у Вас давно эта книга? - "Лет двадцать". - "А вы в нее заглядывали?" - Наш друг даже обиделся: "Замечательные образцы зодчества! Все мои коллеги-иностранцы восхищались!" - "А масштабы видели? Подсчитали? Да это же "типичная", т.е. далеко не самая обширная и разработанная!" - "Не может быть!" - "Вот и калибр и линейка, вот счетная машинка". Архитектор полчаса считал, сам себе не вея. Вот до какой степени нами владеет "прогрессивная" пропаганда!

Мы исходили из мысли, что Господь Бог создал человека - свободными, разумным, ответственным и - творцом. По образу и подобию Своему. Каждое человеческое обиталище есть результата его, человека, жизненной философии и мировоззрения, и, в свою очередь, каждое человеческое жилище формирует философию и мировоззрение следующего поколения. Как формировала изба, извечно обиталище наших предков, свое население?

Изба - это **примитив** - или совершенная, обдуманная, выверенная веками, обжитая и **духовно** образующая **простота**?

Изба - колыбель предков, дедов, отцов. Максимум разумного, а не развращающего комфорта, максимум уюта, тепла, удобств, экономии времени, при минимуме затрат - времени, горючего, места труда. Идеально использованные объемы - почти без потерь на проходы, закоулки.

Изба как место обитания, формирующее мировоззрение поколений.

Изба, как продукт мировоззрения.

Изба, как форма и способ существования.

Изба, как оболочка, материальный показатель основной ячейки государства - семьи.

Каждое жилье человеческое несет в себе эти характеристики.

Простое, максимально целесообразное жилье освобождает время женщины - хранительницы очага от ненужных, лишних забот о поддержании в чистоте и порядке дома, детей, посуды, белья - для церкви, духовной жизни, детей, помощи мужу, для искусства-рукоделия, наконец, чтобы на завалинке посидеть, на закат полюбоваться, воздать за эту благодать хвалу Создателю и подумать о смысле жизни.

Изба - одна из основных точек нападения на русскую самобытность. Изба - всячески критикуемая, всячески оболганная, всячески запачканная, грязью залитая всеми врагами русского народа. И недаром: она охраняла человека от стужи и непогоды, лихого человека, нескромного взгляда. Охраняла физически, охраняла духовно: свободу, интимность, самобытность. Хозяин ее строил, укаршал, совершенствовал, обставлял по своему. В соответствии с традицией или собственным домислом, копируя у соседа или пременяя идеи, привезенные из племеничества или военной службы, даже из-за рубежа, или из Москвы, или из соседнего городка или барского поместья, обрабатывая и изменяя на своей манер, прилаживал к своему вкусу и надобностям. Вся западная и вся левая - и та, и другая антирусская литература, журналистика, кинематография, старались и стараются развенчать русскую избу, клеймя ее грязной, тесной, вонючей, бестолково построенной. Ну, а мы хотим спеть ей гимн. Ее красоте, свету, удобству, гармонии, совершенству и целесообразности.

Это не значит, что ее нельзя улучшать, украшать, совершенствовать, наоборот. Пусть каждый рачительный эстет - хозяин - умелец сделает ее еще удобнее, еще сказочно прекрасной, еще легче для жизни и дыхания, для молитвы и размышлений, - для счастья. Система открытая, Бог в помощь! Строителю в этом поможет изучение опыта предков, выверенного веками.

Если считать, что цель нашей жизни - самоусовершенствование духовное, покаяние, а главное - славить Бога, служить ближнему, радоваться Богом созданному миру и всем смирением со-творчествовать в его украшении и улажении, то мы берем на себя смелость утверждать, что в лучших своих представителях наше крестьянство к этому стремилось - бессознательно, а часто и с полным сознанием, и изба являла этому нужную обстановку и доказательство. Пройдя искусы роскоши, золочений, софистики, обработку усовершенствованной технологией, люди в поисках прекрасного возвращаются к восхищению естественными древесными узорами, натуральным изгибом ветки, изяществу простоты и чувству меры ремесленных обработок и поделок. Обратите внимание, как ценятся сегодня на рынке дмотканые изделия, "рустик", "наиф" и "примитив". Часто, к сожалению, грубые подделки, которым недостает чувства гармонии и чистоты восприятия мастера, близкого природе, благоговееющего перед Божьим творением.

Изба создавала условия для эмоциональной полноты, взаимопонимания и взаимопомощи для высокой нравственности, для общности и одновременно разнообразия интересов. Исключения - бывали. И жесткость, и жадность, и тщеславие и даже (как редчайшее исключение) разврат, например снохачество. Но - исключения! Психологические оправдания кровосмешения скученностью жилья, которые приходится слышать в выступлениях западных социологов, в голову никому не приходили, были - немыслимы.

Уже в выборе места ее построения предок наш был весьма требовательным - и в практическом и в эстетическом смысле. Старались строиться главным образом по берегам рек, что обеспечивало общение, транспорт, поливку огородов, рыбий промысел и широту горизонта, **вид**. Вид на церковь на пригорке был также почти обязателен. Из новгородских писцовых книг следует, что на алтарь приходилось около ста душ. Уложение о градостроении уже 16-го века предусматривает, что, в случае загорожения благолепного вида соседу, незадачливому хозяину следует помочь в перенесении хором на другое место. Вот и вам и примитив. Случалось это редко, т.к. строились широко - вспомните "московский дворик" Поленова. Недаром сказано даже не двор, а дворик - одного хозяйства, небольшой по тем понятиям. А как широко в нем раскинулись службы, подсобные постройки - амбары, погреб, хлев, сарай. Не скучены - простор!

Детишкам есть где побегать, поиграть, на травушке порезвиться, цветочков нарвать, Но и телегой развернуться простору вдоволь, и лошадке травку пощипать есть где: достаточно простору, чтобы все это до грязи и пыли не вытаптывалось, успевало бы восстановиться. Село, деревня планируется самотеком, естественно однако с вполне определенным критерием, который можно проследить во всех почти случаях

на необъятных просторах нашей родины: церковь стоит на самом живописном месте, на пригорке, или на высоком берегу, ее видно отовсюду. Тут же площадь - для сходок, приходских общественных празднований. (На Севере этому служит трапезная). Школа, общественные помещения. В селах побольше - рынок, магазин.

Улицы чаще всего одна, вдоль дороги или реки. Избы, на юге хаты, в казачьих краях - курени. На севере - фронтом на юг, окнами к солнышку. С видом из окон на речку. В средней полосе, в Сибири - избы глядят на дорогу, сзади службы, потом огороды и бани. Чем холоднее - тем ближе друг к другу жмутся строения, чем теплее - тем шире разбегаются на простор.

Материал, из которого изба строится, не удаляет человека от природы, и изба вписывается в ландшафт. Русский человек чувствует и ценит естественную красоту дерева. Да и суровый климат заставляет человека заботиться о тепле, изоляции от стужи, ветров, сырости. Изба - оазис уюта, защищенности, тепла, радости, веселья среди белой, на зиму замерзшей природы. Мягкие очертания избы, снежные шапки над кровлей вдохновили зодчих на купола, отражающие стремление ввысь после распространения вширь - после объемного освоения пространства. Греческий аскетизм нам чужд. Мы славим Бога не только в храме - светлом и радостном, но и в сотворенном Им мире, обживая землю себе и ближним на радость, но всем тим окончательно устремляясь ввысь, к творцу и Богу нашему.

Крестьянская изба - это одно из тех явлений, которое с первого взгляда не кажется заслуживающим внимания, мнится обыденным. Мимо нее обычно проходят, просто не замечая. А при ближайшем рассмотрении она оказывается чудом, которым без конца можно любоваться, восторгаться, удивляться, словно то не дело рук человеческих - вроде цветка. Есть такие цветы: вроде бы и невзрачные, а присмотришься - верх совершенства. Так же, как цветок, многообразна наша изба, проста, рациональна, ничего лишнего, но все что в ней есть - необходимо, гармонично, красиво. Мы столкнулись с ней случайно, заболели избы, стремлением окунуться в ее чудесную, формирующую силу.

Не мы первые. Вот уже несколько десятков лет как русская интеллигенция, в лице лучших своих представителей, открыла для себя избу и всем советским рогаткам вопреки, стремится хотя бы часть года да прожить в ней, облагодетельствовать свою семью своих детишек, да и почерпнуть силы своему творчеству. Люди вольных профессий забираются в глушь, селятся в заброшенных избах, приводят их в порядок, возвращая жилое состояние - возвращают им душу. И поколениями обжитая, поколениями намоленная изба - помогает жить правильно, по правде, как предки наши живали, руководствуясь теми же принципами, о которых в суете городской жизни и думать позабыли. Вам наверно приходилось испытывать это особое чувство в некоторых церквях - чувствовать, что церковь "намолена", сила в ней такая особенная. Вспомните, что во время бедствий и пожаров в первую очередь русский человек "святых выносил", т.е. иконы спасал. И что, куда бы русского человека не занесло - он сразу церковь строит. И на далеком Севере, и на Аляске, и даже вот мы в эмиграции. А каждая изба - это своя, домашняя церковь.

В России вот и сейчас тяга к возврату к этому крестьянскому жилью так сильна, что, кто только может, покупает избу. В может не всякий. Разрешается купить избу на слом, вывезти на свой дачный участок (кстати, "дача" - это упрощенный, мизерный, но дозволенный вариант той же избы, чрезвычайно распространенный: все города окружены огромными дачными поселками). Разрешено горожанину купить избу и стать колхозником или совхозником. Таких охотников не находится. Хотя пустующих изб и даже целых деревень - предостаточно.

А вот вам самая злостная тема: уборные. Основное достижение цивилизации - ватерклозет. Я вполне серьезно! Самое распространенное, ежедневно, ежечасно употребляемое. Хочу ли я его внести в избу? Обязательно. С одной оговоркой - для больных. Для тех, кому выбежать за 25-5- метров в любую погоду, разогнать застоявшуюся кровь, хлебнуть свежего воздуха, оглянуться на горизонты, прищуриться на солнышко, пробежать --лучше всего босиком! По холодящей росе - удовольствие-то какое!. И польза, и закалка, и от ревматизма, от плоскостопия, от плохого кровообращения врачи-натуралисты советуют; послушать птичек, приласкать песика, присесть около нового клейкого листочка. Так вот, в доме нужно иметь ватерклозет для тех, кому такая зарядка противопоказана. А как уборную, "отхожее место", за огородом оборудовать, зависит от хозяина, чистота ее тоже (и ватерклозеты бывают грязными), а у нормальной хозяйки самая примитивная доска с дыркой выскребается до бела кирпичом или специальным скребком. Чаще всего знакомства с этими удобствами интеллигента или европейца происходило во времена не мирные - войны или коллективизации, или эвакуации, или оккупации. И конечно же, чистота в отсутствии хозяйки и присутствии двух дюжин беженцев или солдат бывала соответствующей. И весьма Впечатляющая. Но переносить это впечатление на нормальный крестьянский быт совершенно неоправданно и несправедливо. В северных избах, где хозяйство стараются объединить под одной крышей - там ж и уборная располагается, часто теплая: климат велит.

Раз уж мы по санитарной части: банька в субботу, или перед праздником, или после тяжелой работы, или с дороги, перед и после родов, а то и как лечение - обязательна. Вспомните наши сказки. Сначала гостю баньку истопи, потом напои накорми, а потом уже и спрашивай. Это и ритуал, и омовение, и лечение, и релакс. Поменьше мыла (разве что волосы после особо грязной работы), побольше очищения механического, и паром - особо глубокая очистка пор, массаж березовым веничком ... Новейшая медицина кажется относит перегрев тела к наилучшим способам профилактики вирусных заболеваний.

То-то редкостью были и грипп, и детский паралич, и менингит, и гроза наших времен - рак: вирусам температура выше противопоказана, в русскому человеку - одно удовольствие.

Наш последний личный опыт "настоящей бани" комический. В памяти русская баня - ах, как хорошо! А на практике с непривычки... В Орегоне наши старообрядцы живут в покупных стандартных американских домах, с коврами, домашними электрическими приборами, телефонами и т.д. Планировка: 2 спальни, 2 ваннные комнаты - одна с душем, вторая с ванной. Однако, в субботу (или когда с дороги, или когда болен кто) - топится баня. По черному. Муж с мужиками. Я с бабкой и внучатами - 5, 3 и 1 год. Малыши блаженствуют, бабка _ а ей ведь 86 "с гаком") их венчиком хлещет, визг и восторг. А я с жизнью расстаюсь - духота, жар, глаза из орбит готовы вылезти. Сначала вся покрылась капельками пота - мельчайшими, затем они на глазах увеличились, и вдруг сразу ручьями полились. Стыдно сознаться, что не выдерживаю. Села на пол - авось там не так жарко. Но через минуту выскочила. А бабушка мне младшенького, чистенького выдает: не уходи, я сейчас остальных домою, потом жару поддам да вволюшку попарюсь!

Потом все они над нами потешались, над нашей слабостью: у них сердце, сосудистая система натренированные, эластичные, им жара нипочем, только польза и удовольствие. Что русскому полезно, то немцу - смерть, - кажется это Суворов говорил. После бани - в студеную речку или в снег - профилактика сердечно-сосудистых ужасов. Каждый в свою меру, не по термометру, не по предписанию, а по ощущению - и полку в бане себе выберут, кто внизу, а кто и под потолком, где у непривычного глаза на лоб лезут. И срок процедуры - не по часам, а по самочувствию. Каждый к себе учится прислушиваться, каждый сам себе врач. Тоже в меру, и у каждого эта мера своя. И в чистоте ее тоже превышать не надо, особенно химическая очистка опасны - мыло, а растворители (канцерогенны почти все), и радоваться привычке "-3 душой ежедневно с мылом совсем не следует: некий жировой слой на коже необходим здоровому телу. Кое-что об этом могут рассказать хирурги, которым часто приходится мыть руки мылом. Ну а умывание до пояса на снегу, утречком во дворе - сцена, в удовольствии описания которой редкий русский бытописатель может себе отказать: "фыркающая от удовольствия, обливаясь водой на морозе" и т.д. Пишут мужчины о мужчинах. Целомудренность обычно не допускает описаний женских омовений, но и баня, и бабий кут, и постоянно чугун или котел с теплой водой в печи всегда в распоряжении населения избы. У Ф.Абрамова есть прекрасное описание первого ощущения отличия пола у подростка Михаила, когда он вдруг застеснялся идти мыться в баню с матерью и младшими ребятами, и той деликатности, с которой мать без слов признает право на целомудрие, не настаивает, бережет его стыдливость и взросление.

Небезынтересен и русский умывальник: первоначально это было использование прохуdivшегося ведра или любой другой подходящей посуды. В отверстие вставляется болт, на конец навинчивается, укрепляется гайка. Позже умывальники изготовляли уже специально. Такой умывальник и в поле очень удобно брать - из любого ручья зачерпнул воды, на первый попавшийся сук повесил - и мойся себе с удобствами проточной водой! Нажал болт рукой снизу вверх - течет вода, отпустил - собственной тяжестью болт падает, гайка перекрывает отверстие, вода не течет В избе или в сених под умывальником таз, во дворе - канавка сточная. Немцы, правда, наши умывальники критиковали: в сороковых годах, да и сейчас кажется, культуртрегеры предпочитают свой таз с кувшином, где тою же водою и той же тряпочкой они и нос, и пятки моют. Вопрос вкуса.

Московские, да и иных городов жители испокон веков на лето снимали избы (пока более умудренные их хозяева, набравшись за зиму "избяной благодати". На лето перекочевывали на сеновал или в амбарушку). И редкий ребенок в России не жила в избе хотя бы пару недель, вспоминая об этом с благодарностью и восторгом потом всю жизнь. Однако в прошлом русская прогрессивная интеллигенция избы, в общем-то проглядела - все на Запад смотрела, рай там для народа высматривала. А вот иностранцы - те из них, кто не слишком спесивы и самовлюбленны, те которые в России побывали, с открытыми глазами избы оценивают по достоинству, видя в ней вершины смелой зрительной гармонии, красоты, разнообразия и богатства форм, не обедненных симметрией. Например есть избы, в которых все наличники* варьируют, не повторяясь, некую тему, но все гармонируют перекликаются с узорами причелен* и полотенца*. Окна делают там, где они строителю "глянутся", там где они ему нужны и кажутся красивыми, часто не симметрично, например 3 в верхнем, 2 в нижнем этаже. Группируют свободно, с размахом, и того размера и формы, которые ему указывает его чутье и верный художественный вкус. Считается, что архитектура выражает душу народную. У нас-то и пропорции иные. Не обязательно золотое сечение, не модуль Корбузы, не современный выхолощенный рационализм.

Сами по себе вековые избы с массивными циклопическими бревнами в срубе, посеребренные дыханием времени, достаточно живописны. Это хорошо понимали уже древние зодчие, не допуская в своих постройках излишеств в различных резных и выпиловочных украшениях. Перед совершенством пропорций, основанных на применении в строительстве простых кратных отношений, связанных с размером бревна-модуля, в восторге останавливались большие художники - Врубель, Рерих, Грабарь, Корбузы и другие, соотечественные и еще больше иностранные. Но мимо всего этого совершенства простоты и тонкого вкуса наша интеллигенция, во главе с Ключевским, прошла с брезгливым отвращением, узрев скудость и отсутствие фантазии: изба не копировала рабски европейские образцы, чтобы ей угодить. Даже привнесенные элементы декора, в которых можно увидеть черты барокко, воспринята, переосмыслены и применены так, что органически вписываются в нужном месте. Истинный художник не боится что-нибудь и скопировать, если оно ему годится для общей его творческой идеи. Он не застывает на канонах, кем-то жестко ограниченных, не смущается введением неожиданных тем и материалов. Например, изба Зенона Шарыпова в деревне Фыкалка (Алтай), родного деда наших знакомых староверов, по словам искусствоведа

Щепкова, (автора очень эрудированного труда "Русское народное зодчество Западной Сибири", издательства Академии Наук СССР за 1950 год) - "производит исключительно сильное впечатление, особенно в сумерках: темное пятно избы совсем растворилось на фоне лиловых гор. Видны лишь неясные очертания постройки, и только жестяные ромбики фриза, отражая в себе трепетный свет гаснущей зари, горят, как фантастические огоньки-глаза на мрачном челе дряхлого дома.

Удивительное спокойствие и тонкое настроение сообщаются зрителю при виде этого своеобразного эффекта. Эта картина как-то тепло отзывается в душе и смягчает дикость и суровость, окружающего пейзажа. Особенности декоративного оформления, так сильно действующие на психику человека, были прекрасно поняты строителем и применялись с большим мастерством и тонким вкусом, начиная в ориентации избы по странам света и кончая мелкими деталями оформления". От себя добавим: сколько же наблюдательности и просто времени нужно было этому крестьянину, чтобы так вписать свое жилище в данный ландшафт!

Как икона, в начале нашего века, вдруг открывалась изумленным и восторженным взглядам искусствоведов, так и творчество русских умельцев с каждым днем все более очаровывает знатоков. Умельцев - зодчих, умельцев - скульпторов малых форм (ибо каждая деревянная игрушка - зверек или человеческая фигура - чем не скульптура?), умельцев в обработке деревянной утвари, резчиков и художников. А вышивки, а кружева? Как же так - тончайшие кружева, сплошь вышитые скатерти - в обиходе курной избы? А что такое - приснопоминаемая курная изба? Такие избы, отапливаемые по-черному, строились в бесконечно далекие времена. Дым из печки в таких избах выходит прямо в жилое помещение и, расстилаясь по потолку, вытягивается в особое отверстие с задвижной и уходит в деревянный дымоход - дымник*. "Когдаходишь в курнуюизбу, - говорит Ополовников в книге "Русский Север", - прежде всего рушатся все привычные поверхностные представления о том, что в курной избе темно и грязно, что повсюду сажа и копоть. Ничего похожего здесь нет! Напротив, полы, гладко тесанные стены, широкие лавки. Печной сруб и все, что находится ниже воронцов, блещет чистотой, обычной для всех изб. Более того, на чистом столе - белая вышитая скатерть, на стенах - вышитые полотенца и одежда, в красном углу - традиционный иконостас с медными блестящими иконами. И дальше несколько выше человеческого роста - чернота закопченных верхних венцов сруба и потолка, блестящая, отливающая синевой, как вороново крыло. Дым, расстилаясь по потолку, опускается до определенного и всегда постоянного уровня, и граница между чистой и закопченной частью стены в пределах лишь одного-двух венцов. По этой границе и проходят вдоль стен широкие полки - "воронцы", очень четко и можно сказать архитектурно отделяющие светлый и чистый интерьер избы от ее черного верха. "Воронцы" эти еще называются подзором, часто бывают украшены резьбой; под ним-то и висят белоснежные ручки отороченные кружевом ручной работы.

Разнообразие оформления изб нет конца: от похожих на неприступную крепость до предельно изукрашенных, ярких и светлых. Сказочность украшений избы не случайна. Помимо эстетических функций, в старые времена все эти кружочки, ломанные линии, точки символизировали молитву, охраняли отверстия, края, от проникновения злых сил, были "оберегами". Изба завершалась вырезным коньком, вокруг окон и дверей - отверстий - узоры. Но и по подолу сарафана, вырезу рубахи для шеи, по краю рукавов. Все эти узоры "читались", имели смысл.

В избе украшают все, все предметы обихода. Несмотря на то и вопреки тому, что к жилью своему истинно-православный человек относится как к временному; внимание же основное, первой важности - к вечному его представительству на этом свете - церкви, храмам, их строительству и украшению. В храмы он сносил все наилучшее, на что способен был его творческий порыв: часто единственным каменным, и следовательно долговечным зданием в селе красуется церковь. И в нее сносили самое драгоценное - от жемчугов на иконы и до шуб, которыми украшали стены.

Основной изначальный модуль избы - клеть - чаще всего 3 окошка на улицу. Размеры даны длиной бревна - от 6 до 12 метров. Дерево заготавливается загодя, любовно и тщательно отмечают подходящие лесины, когда их встречают в лесу. Зимой рубят, по снегу волоком вывозят. Если спеху нет особого, оставляют на просушку. Узлы рубят в лапу, в обло, в шип - есть еще немало способов. Цель: крепость сооружения, теплоизоляция, красота. В верхнем бревне выбирается желоб, точно повторяющий конфигурацию всех выпуклостей нижнего бревна. Прокладывают мхом, который потом, через год усадки, еще раз проконопачивают. За сколько времени можно построить избы? Вспомним, что "обыденную" церковь строили в один день. Избу миром строили, быстрота зависела от "помочи", от того, сколько у хозяина друзей и родственников.

Нижние венцы и крыша - предмет особых забот хозяина. Выбираются они из не гниющих пород дерева, например лиственницы, опирают на камни или "курьи ножки" - пни для остова крыши сруб стен чаще всего расширяют в последних венцах ("повал"), затем две противоположные стены продолжают, постепенно укорачивая бревна - "самцы".

Быки и слегы составляют каркас крыши; верхняя слега - "князева" - более толстая; курицы поддерживают потолок, в который упираются теснины. Все это завершает охлупень, который впереди и сзади оканчивается коньком, т.е. корневищем, вырубленным в форме конской головы. В Центральной России избы чаще всего кроются соломой, теперь шифером или железом.

В тесовых крышах нижняя слега делается более толстой, чем остальные (подкуретни), на ней укрепляются "курицы" - вообразите себе огромный деревянный крюк, чтобы поддерживать поток или водосточник. И украшены они разнообразнейшими фигурами. То ли это действительно куры, то ли целый зоологический сад - и коньки, и утки, и петухи, и львы.

Сверху теснины прикрывались, прижимались толстыми, снизу выдолбленным бревном - желательнее с комелем, - охлупнем, венчающим передний, а то и задний фасад конька - тоже полем деятельности творческой фантазии строителя и его гордостью Ф.Абрамов с большой любовью описывает, как трудится дед много месяцев над этим завершением дома - своей творческой, трудовой жизни. Чаще всего конек делался из утолщения корневища, используя его естественные скульптурные формы. Не забудьте, что торцы бревен также создают замечательный органически возникающий узор. Внутренние перегородки могут быть из бревен потоньше, а то и из теса.

Интересно, что стены избы одновременно и изолируют прекрасно от холода. Но и дышат - пар не осажается, а выпитывается и вымерзает уже снаружи. Смола озонирует, нейтрализует тяжелые запахи. Об избыном лесном духе - смолы, дымка, свежее испеченного хлеба, трав лечебных и травок и ягод для заварки чая с удовольствием вспоминают все, кто в нормальных или хотя бы относительно нормальных условиях побывал в избе. Есть и отрицательные свидетельства - обычно тех. Кто там бывал в экстремальные моменты: оккупации, войны, голода, коллективизации.

Когда-то безоконная изба сначала обзавелась волоковыми, затем появились кощатые окна, т.е. вырубленные или врезанные на полбревна вверх и вниз. Эти окна очень практичны, т.к. не требуют рам, креплений, и не ослабляют конструкцию. Они и до сих пор освещают и вентилируют подсобные помещения - коровники, сараи, амбары, кладовые и т.д., а также обеспечивают необходимую вентиляцию подклети. Они чрезвычайно украшают как главный фасад, так и остальные стены своими разнообразными формами и оригинальным решением сторон. Например, счесав бревно наискось, получаем очень красивый срез дерева с естественным и неповторяемым рисунком прожилок. Чудесной "топорной" работы бывают и разнообразные вырубленные формы как верхнего, так и нижнего полбревна.

В горницах, светелках и собственно избах стали делать и большие окна, но это требовало устанавливать оконные рамы, и учитывая усадку бревен со временем, тщательно врезать эти рамы в "шип". Разница температур между наружным северным морозцем и желаемым жилым теплом может достигать до 80 градусов С (!!"% по Фаренгейту), да еще и сильные ветры - из малейшей щели дует страшно! Все возможные места утечки тепла прикрывают наличниками. А раз они нужны - почему их не украсить? Тут богатая фантазия умельцев изощряется в долгие зимние вечера в полное свое удовольствие! Деревянные кружева, оригинальнейшие формы, бесконечное разнообразие.

Взаимосвязанность, разработка мотивов, а не повторение узоров балконных и крылечных балясин с наличниками, полотенцами, причелинами. Дерево оставляют натуральным, красят или разрисовывают, а то и инкрустируют.

Вопреки уверениям левой пропаганды разрешу себе усомниться, что тот кто вытаскивал вот эти замысловатые балясины систематически голодал и нуждался в самом необходимом. А ведь такие разукрашенные дома - вдоль всей улицы... Где-то и завалюшки были, но - поглядите на эти фотографии, схемы. Они отображают быт деревни XII-XIX столетий.

Вернемся к беднейшему, но и основному - вот это сруб, четырехстенка. При первой возможности сюда прирубается еще полстолько - кладовая и сени - буфер от холодного воздуха, чтобы не сразу со двора в избу: не натопишь. План, конечно, схематичен. Сколько хозяев - столько и вариантов избы. Крылечко. Снег веничком, вот тут стоит, отряхнуть, или грязь обчистить об железку - на полу в избе полагаются домотканые яркие половички, их хозяйка под большие праздники, а при детях и чаще стирает. Пол на севере - доски, их скоблят ножом или кирпичом добела. В избе ходят в чулках, чтобы не пачкать. Натоплено, тепло. Обувь оставляют в сенях или у входа.

Вот тут, недалеко от двери, бочки с водою, ведра, ковши, тут же верхняя одежда и обувь. Так и по сей день -

Вероятно, если вы теперь захотите построить себе избу для жилья, вы проведете водопровод, а необходимую ежедневно гимнастику будете проделывать не с ведрами и водой, а со специальными гириями и гантелями. Но это вопрос вкуса. Кстати, вода из колодца или родника, минуя металлические трубы и химикалии, полезнее (свинец причастен к раку, окись железа - язве и т.д.). Но ее можно - родниковую, чистую и полезную - покупать в пластиковых бутылочках. Во времена широкого распространения изб оных еще не выпускали... К колодцу же и на речку за водой бегали весьма охотно - проследите по песням. Если сеней нет, как в этой нашей примитивнейшей избе, то этот отсек до печи - одновременно и бабий кут.

Мать в своем "бабьем куте" (это часть избы за русской печью) не была "прислугой на отгороженной от гостей кухне" - кут-то был открыт в сторону обеденного стола. Прилегал к "гостинной-столовой" на манер новейших архитектурных достижений, и украшен был не меньше их. Украшен на заглядение: вышитые занавески, полотенца и ручки, вырезные доски - разделочные и пряничные, расписные миски и ложки...

Бабий кут женщина украшала для себя - в нем она немало времени проводила ... Печь, разделяющая избу - целая поэма. Во-первых, она разделяет помещение на жилое, спальню и бабий кут, т.е. разделяет функционально, но не отделяет. Семья живет вместе, общими интересами. Воздуха полно, простора тоже.

Во-вторых, она создает тепловой режим. На печи теплее всего - для стариков, больных, младенцев; на

полатах - тепло достаточно и самый чистый воздух - детишкам; у дверей - рабочее место - прохладнее всего, больше вентиляции; умеренно тепло у стола - здесь еда, развлечение, отдых.

В-третьих, пища, приготовленная в печи - самая здоровая: ровный жар, не жарит, а парит и печет (даже блины пекут, а не жарят), пища в ней не подгорает, даже не варится, а "доходит", сохраняя максимум витаминов и ферментов - т.е. вполне в соответствии с самыми передовыми научными требованиями. И психологическими - вкусно-то как!

Печь отвечает и лечебным требованиям. Перегрев помогает избавляться от вирусов, от простуды. И гигиеническим. Если еще не обзавелись своей баней, что уж совсем признак неустроенности, а соседи или родственники не топят сегодня, - в остывающей печи на худой конец вымыться можно. С баней не сравнить, но тепло изрядно.

Воспитательным. У бабки или деда, причем не важно, родного или приписного, на печи всегда есть место и время для приболевшего или обиженного или скучающего внучонка, и связь "через поколение" очень сильна, ко взаимной пользе. Недаром бабушкины сказки и дедушкины поделки и игрушки, а то и были и воспоминания, заполняют нашу литературу. Да и дед и баба у дела - нужны, любимы, ценимы (по заслугам), излучают и получают ласку, не чувствуя одиночества, заброшенности и необходимости в старческих приютах, в индивидуальной и групповой терапии чужих психиатров и психологов. Основы богословия и морали, истории, этики и эстетики и многое другое внушалось малышам на печи...

Здоровые, подросшие, уже более самостоятельные ребята лезли выше - на полаты (да и взрослые охотно!). Кто постарше с краю укладывался. И у взрослых вечером под ногами не вертелись, и укрывать их не надо - теплынь, и заснут, когда их время придет, каждому индивидуально свое, укладывать-уговаривать не надо, и поведутся на ночь в полное удовольствие и старшего, кто за столом вслух читает-старается, слушают без насилия (Не: учи уроки! А - научись чему - порадуй всех: и мать с отцом, и стариков, и малышей в назидание и надежду; я тоже научусь тогда меня слушать будут!). Вопреки понятию о безграмотном мужике, практика чтения вслух (очень в крестьянской среде распространенная), как и остальные занятия и обучение - не никому ненужная "зубрежка" или игра "на будущее" впрок, а уже сразу приносит пользу и удовольствие. С младенчества сдобренный родительской похвалой за старание, а потом за успехи, труд становится не проклятием, а радостью. Вспомним хотя бы радость трудового процесса даже голодного заключенного - Ивана Денисовича!. А если на своей ниве, да под голубым небом, окруженный необъятным горизонтом и благодать родного края - какое счастье! Не - проклятьем заклеянный, а кольцовский пахарь или косец. Раззудись плечо, размахнись рука...

Удивительно использован внутренний объем избы. Функциональные моменты расположены по углам и стенам, и т.к. они обычно используются не одновременно, то весь объем поочередно одной из функциональных единиц, которой в данный момент пользуются. Кухня - вот она, вернее бабий кут, но где ему конец? Она не замыкается и в предпраздничной стряпне захлестывает всю площадь, да и участвуют почти все. Но окончилась горячка, и кухня свернула в этот уголок, не занимая лишней площади. Вот тут под окном можно шить - а если много нужно шить, например приданное заканчивать (что само по себе праздник, с особыми обрядами и песнями), то швейная также завладевает и обеденным столом, и лавками, и сундуками. К обеду извольте убраться все по своим местам, в порядке. Порядку же учатся с младенчества - иного не дано. За тем же столом учатся, читают, рукодельничают, поют. Все свое время. Опоздал к обеду - мать с любовью накормит в уголке, да не полагается так. Нежесткая, но настойчивая дисциплина, лад, порядок владеют избыю. Надо всем этим - благословляющие иконы. И благословляющие родители, любовь да согласие, четкое, но не жесткое распределение функций - так же функции взаимопроникающие, а не исключают, как и распределение углов и объемов в избе. При случае мужчина подменяет женщину и наоборот в любых работах.

Власть у печи - это немало в крестьянской экономике. "Из избы баба горшком может больше вынести, чем мужик горшком". Это при скверном хозяйничании. Так вот, стареющая или хворая или на богомолье уходящая хозяйка, старшая у печи --мать или жена - передает свое место главного экономиста и распределителя одной из подросших женщин или девушек-дочек, или золовок, сестре или племяннице - далеко не обязательно по календарному старшинству. А скорее в соответствии со способностями и характером. Самой сноровистой, смекалистой, обходительной, и главное, дорой, справедливой и отзывчивой. Тогда ни случайный путник, ни сиротка-приемыш, ни беззубый старик, кому общее питание не по зубам, не будут обижены. Даже милостыню следует подавать с поклоном, чтобы не обидеть, а соседу в беде лучше втихомолку снести или что другое занести, чтобы и не знал, кого благодарить.

Передача власти у печи - это самоограничение, а не вынужденная уступка, воспринимается с благодарностью и любовью, и как честь, и как доверие, и обеспечивает отступившей "старшей" уважение и участие в важных семейных решениях. Вообще же многооплаканная "долюшка женская" никак не говорит о женском бесправии: права неписанные иные, чем у мужчин, привилегии также; они не конкурируют, а дополняют друг друга. И пьяницу-мужа вполне может отутюжить решительная супруга в подходящий момент, не вызывая никакого у окружающих осуждения, скорее - наоборот. Назавтра она опять уважительная, послушная жена.

Немногие деньги, циркулирующие в избе, прячет обычно жена и расходуются они при детальном обсуждении. В принципе поле, семена, сыновья = домен хозяина; дочки, детвора, лекарство, припасы еды - готовки, огород, скот, изба - бабье царство. Исполнителем обрядов руководят оба, а чаще старики. Молитвы,

посещение храма (при большой индивидуальной свободе) соблюдается всеми. Хотя детей ведут в храм, учат молиться, пока они малы, потом они охотно бегают в церковь самостоятельно, по убеждению, или в подражание — как кто. Кое-кто и манкирует, конечно, но принуждение не в обычае: "подрастет - образумится". Вера, искренняя и глубокая, а не привычка к исполнению только обрядов, столь часто бытующая в мещанской и интеллигентской среде, а также совестливость, одухотворят избу, каждый этап дня, года, жизни.

Духовно осмыслен труд на ниве. Утро начинается с крестного знамения и молитвы: бабушки с малышами, остальные в одиночку, каждый по своей потребности, хотя бывают и общие зачины. Просто удивительно, сколько взаимного уважения, целомудрия, дискретности, такта, деликатности обитает в избе!

Вообще, тактичность, мера и вкус - отличительные качества русского мужика, обнаруженные даже социально-чуждыми этой среде писателями нашего золотого века литературы. В наше же время писатели-выходцы из крестьянской избы - а я осмелюсь их считать теперь за наилучших - даже о подсоветском крестьянине, его чуткости и душевном величии повествуют чудеса.

Религиозность? А где бы после 60 лет систематического уничтожения икон иначе находил их Солоухин и его единомышленники, как не в каморках, от лишнего глаза старательно запрятанных, ухоженными и намоленными? Запрятанных от охальников, активистов, недоумков и недоучек, дурней - которых тоже, к сожалению, предостаточно расплодилось, да и раньше случались, себе и миру на горе. Но в церкви и сегодня службу на зубок знают не одни старухи.

Молитва, крестное знамение предваряют и глоток воды, и трапезу, и начало и конец каждого дела, сопровождают горе и радость. В крепком народе и ДО СИХ ПОР. Я понимаю, конечно, не всех. Не даром же именно на избу, исчерпав весь арсенал пропаганды и насилия, ополчились даже "научные институты", стараясь заменить ее сельским домом! Или, о ужас, высотной хрущевой!

Но вот эта примитивнейшая, простейшая клеть-изба требует расширения. Лес под боком, руки свои - расширай сколько душа просит! А прости она, если душа здоровая, а не хапуги-хвастуна, нужно: девкам светелка - роскошь или необходимость? Тут и работать, и попеть, и радостями и заботами девичьими с подружками поделиться, - вот она! Или мастерская здесь - это смотря по составу семьи. Дальше прирубается еще один сруб - используя те же сени. Потом - семья-то растет! - может быть, второй этаж, "верхние избы"? Или дальнейшие пристройки в один этаж. При выросшей семье, да разрастающихся семейных и социальных связях (крестных полагается брать не из семьи - ребенку в случае семейных невзгод духовное руководство нужно обеспечить, и дополнительное окошко в мир, да и материальная помощь в нужную минуту всегда подоспеет) - вот уже и чистая горница напрашивается, чтобы всех вместить на праздник, и свадьбы скоро пойдут - девки спеют. К тому времени и страшим больше покою хочется. Хотят - с малыми, а хотят - в отдельное помещение. Может тетка бездетная овдовела - не жить же ей бобылкой никому не нужной. Если характер уживчивый - и ей место уготовлено: и отдельно, и к своим близко. Сын женился, и если отделяться не торопится - тоже ему хоромы тут же - да в сторонке, чтобы все-таки новая семья крепла не под критическим взглядом родителей, а сама собою. Растет изба - строятся дополнительные помещения.

Так вот, достройка помещений избы идет по мере возникновения в них надобности: подросли ребятишки - нужна еще одна истьба, т.е. истопляемое помещение, которое тут или в другом месте и прирубается. Мастерские нужны - свой инструмент для всего, и верстачок, и точильные камни, и полки для мелких вещей. Хозяину рачительному удовольствие держать в порядке под рукою свой инвентарь. Да иной мастер и на соседей работает - кто поспоровистее: особый достаток, прибыль в дом, и честь, и уважение. Бабам тоже мастерские нужны: лен трепать, дух разбирать и мыть - для перин, легчайших и теплейших, для подушек, рядно ткать, пряжу красить, валенки валять - не в горнице же.

Или же хозяин очень гостеприимный, хочет гостей принимать в чистой горнице, где не готовят пищу (Луком, чесноком не пахнет), где младенец в колыбели не агукает? Можно и так - вот тут ни печи - для тепла голландка, ни кровати - лавки, столы - пожалуй в гости. Одинокой тетке, старику своему, а то и случайному гостю надолго найдется место вот тут. Семья растет? Девки, парни подросли? Гуляй по лестнице наверх. Теплые, светлые истьбы. Живите - радуйтесь. Сын женился и отделяться не торопится - вот и ему одна две истьбы. На севере зимою стужа, иногда выходить ох как неохота. Хотя и здорово в морозец, и молодцы во всех деревнях студеною водою до пояса моются, ну да чтобы это желательным, но не обязательно было баня (и "удобства", "отхожее место") - тоже под крышей. С продвижением на юг все эти подсобные помещения расползаются подальше от избы, на Украине например отхожее место бывает и за огородами, а баня - поближе к реке.

Чем более суров климат - тем ближе жмутся постройки и службы к основной избе, постепенно замыкаясь в прямоугольник, а на Севере просто все под одну крышу - и скот, и сеновал, и склады, и баню.

Мы предлагаем вашему вниманию макет одного из многочисленных типов изб, сделанный по схеме из журнала "Наука и жизнь" за сентябрь 1982 года. Это не самая большая, не самая усовершенствованная и изукрашенная - сказано - типичная. Рассчитана на 10-14 человек, включая детей и стариков. Разнообразнейшие планы больших изб - в вашем распоряжении. Фотографии целых улиц таких изб - так же. Они никак не исключения. В нашем случае изба состоит из нижней исть-бы, т.е. истопляемого помещения, горницы, - размеры опять таки даны длиною бревна: от 18 до 36 футов каждая сторона, трех меньших изб и трех жилых "каморок" - правда, эти "каморки" размера от 18 до, страшно сказать, 70 квадратных метров. Крестьянин тесноты не любил и, вопреки, пропагандой распространяемому мнению, жил в огромном

объеме. Большую часть такого дома занимают конюшни, хлев, птичник, склады, баня и "удобства" в нижнем этаже; наверх вели лестницы в жилую часть, ввоз в служебную - там конь с телегой или санями, с возом сена, например, должен был развернуться. Там и был сеновал, сено через отверстие прямо сбрасывали скотине, скот на севере проводит под крышей большую часть год. Вот для коней, коров, овец, свиней, домашней птицы. Ну и воробышку подкорм и место под стрехой - тоже Божья тварь, да и истребить сельскохозяйственных вредителей. Помогут перезимовать - весной, летом отблагодарит службой.

Навоз выгребается в зависимости от изобретательности хозяина, а то и самотеком - в навозную яму. Весною это драгоценнейшее удобрение - естественное, полноценное, безвредное. Хотя при большом умении и его можно в яд превратить, например, если от гигантской свинофермы в речку спускать. Химические удобрения, правда, опаснее и вообще, а при их безалаберном употреблении - особенно. Сергей Викулов в "Нашем Современнике" (1985 г., №3) так пересказывает эпизод из поэмы "Малина твоя крестьянской поэтессы Ольги Фокиной на эту тему: "Решив хорошенько помыть в избе пол, гостя, неподалеку от дома, в поле, набирают в таз (вместо дресвы - крупного песка), каких-то химических удобрений. Заметила: "дресва тает... В недоумении лизнула ее ... И через некоторое время почувствовала: отравилась... Не избежала этой участи и ее подруга: моясь бане, как всегда, испила водицы речной, а она лизнула оказалось тоже отравленной... Все тем же химикатом, сваленным нерадивыми руководителями под открытым небом".

В Сибири и на Севере амбары и склады часто строятся на сваях - от сырости, от зверя. В многочисленных кладовых - лари с зерном, крупой и мукой, запасы солонины и сала, кож, пряж, материалов для зимних работ - лен, пенька, деревянные заготовки и т.д. Место нужно и для сбури, и для саней, телег, сельского инвентаря, складов: семенных, зерновых, овощных, для засолов и маринадов - это обычно сохраняется в подполье, сушеных грибов и фруктов, окороков и солонины, меда и варенья, картофеля и толченых ягод. Хватить должно на всю долгую зиму. Склад одежды, шуб, кожухов, сапог и валенок, холстов и ряден...

Человек был творцом своего жилища, творцом свободным - о чем и свидетельствует обилие и разнообразие планировок - и творил свое на свою личную потребу, в соответствии со своим вкусом. Творил всю жизнь, справедливо считая, что улучшать ее, приукрашать сплачивало все ее насельников, каждый по мере сил участвовал: тесалы, вырезали, выпиливали, раскрашивали, узоречьем изукрашали, вышивали, пряли и ткани, кружена плели и вязали - каждый в меру своих талантов, сил и желания - свободно - участвовал в общем деле домостроительства. Было оно свое, семейное, общее, ни с чьим не одинаковое - гимн красоте, изобретательности, трудолюбия, гармонии. Свободе творчества, индивидуальному вкладу в общее дело. Работа радостная, веселая - человек создает. Крепнет чувство локтя, взаимосвязанности, взаимопомощи. Все это помогает жить, укрепляет эмоциональную стабильность. Каждый из нас, сделав что-нибудь, любую мелочь своими руками - радуется и гордится: не так совершенно, как покупное, но - сам сделал. Где-то в тайниках души это вырабатывает и немаловажное чувство независимости, выживаемости и самоуважения. И уважения со стороны детей. Умение, сноровка отца всю жизнь приглашает к подражанию и совершенствованию, что радует всю семью. И если что-нибудь сын достигает сверх отца, то усилием и с отцовского благословения, и чаще всего благодушного признания.

Воспитание в семье обеспечивается всей семьей. Распределение маленьких детей по возрастным группам для их воспитания есть результат чисто умозрительных упражнений "Научной педагогики", практикой совсем не оправданное. Так же, как объединение под одной крышей стариков (старческие дома) - результат той же умственной гимнастики. Может быть, в данных конкретных условиях и наименьшее зло, но старику нужен естественный человеческий контакт с различными возрастными группами, где возможности передачи знаний и жизненного опыта играют наиважнейшую эмоционально-стабилизирующую роль. Старик скорее найдет благодатного слушателя (и собеседника) в малолетнем внуке ((внучке), своем или соседском, для которого у него есть время и ласка (даже если это сопровождается ворчанием), умение что-то вылепить, нарисовать, вырезать, рассказать, объяснить, чем в старике в своем же возрасте, с которым основной общей темой могут быть лишь болезни и горечь пережитых обид, а в наилучшем случае - состязание в тщеславности воспоминаний, когда заинтересованных слушателей нет, а есть только самопревозносящий себя рассказчик. Т.е. вывод практический на сегодняшний день: когда родители отправляют детишек в детский садик на много часов в день (здесь, как и во многом другом, вопрос меры) отделяя этим или иным иным способом жизнь и интересы ребенка от таковых всей семьи, они готовят себе отправку в старческий дом через 30-5- лет. Если не позаботиться об общих интересах в детстве, их неоткуда взять в старости.

В избе под одной крышей жили 3-4 поколения. Воспитанием занимались главным образом старый и малый, располагавшие достаточным временем и интересом к духовным запросам воспитуемых. Страшие братья-сестры, а также малолетние теки и дядья - по близости, сходству интересов; старики - терпением, любовью и жизненным опытом, снимания с родителей излишнюю нагрузку.

В результате общего дела и семья держалась крепко, неразрывно. Если уходили - стремились вернуться к неповторимому своему, тятенькой и дедом созданному, не шаблонному, не стандартному. Изба способствовала сплочению, гармонизации индивидуальных усилий и решений, предоставляя каждому свободу выбора точки приложения своих сил, труда, творчества.

Сравните с городским бытом нашего времени, где дети при первой возможности стремятся покинуть отчий кров - они и сами купят или в наем возьмут помещение с такими же фабричными занавесями, стульями, посудой, углами, шкафами, окнами. И у соседа такое же или похожее, ничего своего _ семейного, во что и мой труд и фантазия вложены, и близких моих; и даже уеду - вернуться когда-нибудь обязательно

будет в моих планах. Безличность городских жилищ, которую не раз использовали кинокомедии и сатирики, главным образом в России: Запад к этому привык ... Статус - он тоже по шаблону.

Изба создает ту условия, где есть место и смысл жизни - для детей, взрослых и стариков, объединенных общими интересами. Но и имеющих свободу самовыражения - в избе и при ней предостаточно помещений, где член вот такой единой семьи находит место для своего, каждому человеку в свою меру необходимого - желая уединения. Именно мера - фактор очень чувствительный, тонкий - то, чего так недостает в нашей "эмансипированной" жизни - замечателен в избе. Интересно проследить ее влияние - от зыбки до домовины ...

Все, что я сейчас говорю - сбивчиво и захлебываясь от восторга, не исчерпывает и сотой доли избыточной благодати, и мы приглашаем каждого вдуматься, развить, проникнуться избой и ее влиянием на человека.

Очень многие формы жизни, которые эмпирически, за века, отработали наши предки, реформистскими XIX-XX веками были отброшены, как признаки обскурантизма и некультурности. Ну а наука потихонечку нам их возвращает - разумеется, со своей научной этикеткой. Например, зерно мололи вручную - грубой помол. Потом мельницей. Здоровую рожь и пшеницу. Мука была цельная, сильная, темная. Зерно не было очень селекционированным, но с изрядным запасом собственной неспециализированной иммунной защиты. Урожаи без пестицидов, опылений и т.п. - не очень богатые. Но хлеб получался замечательный (в старых пробах хлеба 22-26% белков). Одним хлебом и водой человек уже мог питаться. Затем стали улучшать, совершенствовать - и зерно, и помол. Остался муке - один крахмал. Ни минеральных солей, ни витаминов, ни белков. Эту муку натуралисты зовут "белым ядом", как и белый, такой усовершенствованный, первосортный сахар. И рис. И многие другие ценные продукты. И, чтобы вернуть им хотя бы часть питательности, добавляют ... в муку - отруби, патоку - в сахар и т.д. Витамины, предварительно выхолощенные, минеральные соли и все остальное. За этот улучшенный продукт с вас дерут втридорога: за его денатурализацию, плюс особо за частичное возвращение его питательных свойств. И так - в большинстве продуктов питания. Наши бабы-староверки даже еще в Аргентине кормят младенцев грудью до 1-3 лет. Ребята растут богатырями, никогда не хворают и дополнительный эффект - естественная семейная планировка, как теперь выражаются, только без моральных травм и гнета абортотворных средств. Эти же бабы в Орегоне с трудом кормят до трех месяцев. По привычке и из принципа настаивают - бабе и младенцу сколько радости от этого самим Богом определенного общения. А детишки чахнут. Врач прописывает сначала - отказаться от покупного хлеба, овощей, фруктов, молока. Но в североамериканских условиях очень немногие ведут натуральное хозяйство, отказываясь пользоваться искусственными удобрениями и прочими химикалиями, приходится и детей переводить на искусственное питание.

Простите за отступление; но тоже происходит и с отдельными элементами жилья. Каждый вправе искать улучшения своего быта, но при этом полезно иметь в виду историю с мукой, чтобы это улучшение не обернулось бы выхолощенностью, уничтожением самой полезной сути улучшаемого. Не слишком ли велика цена за малые удобства и роскошь?

Итак, родился в избе ребенок. В родильных домах всего мира уход за новорожденным прошел через бесчисленные этапы научного совершенствования. Новорожденного отобрали от матери на 1-2 недели, чтобы мать была спокойнее, отдыхала давали кормить первый раз на третий день, не подпускали отца и родственников к малышу и роженице, нанимали кормилиц и т.п. Для патологических случаев все это и может быть оправданным; наша же здоровая физически и психически баба обслуживала своего младенца с радостной помощью всей семьи - сама. С первого часа. Из люльки брали нечасто, как особая премия берущему - поддержать. И к нему теперь и наука добралась. Ребенок рос общительным в окружении всей семьи, кстати, в течении века осуждаемая "зыбка" (мол "одурманивает ребенка") получила свою научную реабилитацию совсем недавно: ритм покачивания помогает росту, соответствует биоритму, успокаивает.

Следующим положительным фактором воспитания было общение ребенка с с разного возраста братьями, сестрами, тетями и дядями, стариками и так в нашей литературе осуждаемыми добровольными и наемными малолетними няньками: для девочки возня с малышом - с живой куклой - чистое наслаждение, но и - первое чувство ответственности и воспитания волиб все детишки играть побежали - а ты сиди, укачивай; самую в сон клонит - но малыш плачет, и маленькая няня сон свой должна преодолеть.

Утверждать, что не было отдельных случаев эксплуатации - было бы так же неразумно, как и предположить, что в наш эмансипированный век нет садистов и психопатов, даже среди педагогов и родителей; изба тоже населялась человеками, а не ангелами. Но в углу висела икона, и обижать сиротинушку (если не было своей родной 6-8 летней нянюшки) был страшный грех, и на глазах всей семьи даже отъявленный негодяй принужден был сдерживать свои инстинкты. Итак, зыбка для младенца, печка для бабки или деда (и обиженного, а то и прихворнувшего малыша, с лаской и сказкой). И бабке занятие, утешение и ласка, и малышу.

Полати для ребятешек - кстати, там, наверху, воздух самый теплый и чистый, и веселей, и матери не надо волноваться - ночью вставать укрывать; исключается вест томительный обряд укладывания строптивного и капризного огольца, так известный нашим современным мамам. Ребенок лезет на полати с удовольствием, там еще сводит со своими сверстниками - братишками и малолетними дядьями - дневные счеты, сквозь дрему участвует в вечерней жизни семьи, глядя внизу и слушая беседу, обсуждение домашних дел, чтение парнишки постарше, а то и присутствия, не путаясь под ногами, на семейном торжестве, свадьбе или

посиделках. Затихает сам в свое время, в свою меру. Общение с различного возраста людьми воспитывает в нем уважение к старшим, заботу о младших, учит перенимать сноровку, без науськивания к жестокой конкуренции, чем так грешат детские сады, где при малой разнице возраста группируются дети разной наследственности, разного физического и психического склада, здоровья, подготовки, а затем очень самоуверенным и скверно подготовленным. И что хуже – часто равнодушным так называемым педагогическим персоналом перед этой группой ставятся одинаковые задания на соревнование. Требования одинаковые – ребячий материал разный. Они играют на самолюбии, тщеславии, злорадстве. В результате наиболее сильные, способные, развитые воспитываются в пренебрежении к остальным, в лени (им все легко дается), в жестокости.

С самого начала попавший в невыгодное положение ребенок так и останется изгоем до конца обучения и к этому положению привыкнет, хотя и не перестанет никогда от него страдать. Оставить его на второй год повторить курс – тоже небольшая услуга. Пято второгодника несмыслаемо, кроме того, он может быть зрелым умственно, но незрелым характером или наоборот; повторяя курс, развивает лень. Научная педагогика никак не накладывается на школьные программы и давно торчит в этом тупике. Свободный переход из одной условно-возрастной группы в другую дает то направление, в котором следовало бы искать наилучшего использования индивидуальных возможностей и способностей каждого человека, может быть в комбинации с компьютерным обучением. Любопытная наблюдения Ярослава Б. в староверческой среде (которая в быту лучше, чище других сохранила чертыстарой крестьянской России): в игре у них никого не интересует, кто выиграл. Играют увлеченно – дети, особенно подростки, а нередко и взрослые, стремясь улучшить свои показатели – спортивные, в ловкости, смекалке и т.д., игр много, они интересны, захватывающи и увлекательны. Но попытка перенести их на скаутскую почву успехом не увенчались: для городских детей оказалось непонятным, что можно просто играть, не выигрывая хотя бы мифические пункты или признание. Не бахвалясь выигрышем! В крестьянской игре, кроме игр песенных, обрядовых, хороводных, спортивных, на ловкость, смекалку, рифмование, сочинительство и т.д., очень много игр подражательных: это и подготовка и гимн труду, который в нашем цивилизованном обществе давно стал проклятием, а не радостью.

Ритм задавала церковь, природа, необходимость. Именно в этом порядке в воскресенье или в праздник работать грех. Даже если зерно из колоса сыплется – на то Божья воля. Только самое необходимое – скот обрядить, пищу приготовить. Свободное время (после церковной службы) посвящается общению, философствованию, осмыслению жизни – у старших, веселью, пению, играм – у остальных. Каждый праздник освящен традициями, большинство из которых восходят к временам языческим и доисторическим: мудрая наша церковь не уничтожала их, если они прямо не противоречили христианству. А или вкрапляла в христианские праздники, вроде бы отождествляла (многое в древнеславянской языческой символике словно предвосхищает христианскую), или допускала, терпела.

На сенокос одевали наряднейшие сарафаны и рубахи, работы начинались с праздника – молебна, пели по дороге на луга и обратно после тяжелой, но радостной и веселой работы. Во всем этом участвовали, готовились загодя и подростки, и дети – отец, дед, старший брат делал грабельки по росту шестилетнего аспиранта в труженики, лукошко по мерке брал и в поле, на сенокос – ребенок в меру сил играл-трудился, подражая страшим, но и общаясь с ними – зайчонка смотрели, в прятки играли, боролись с хохотом. Не специально, по команде платного зануды-затейника: "а теперь давайте развлекаться-веселиться, постройтесь в кружок, возьмитесь за руки", – нет, спонтанно, между делом, воспитывая одновременно и этику, и трудолюбие, и взаимопомощь, и понимание. Таким образом, возникали общие интересы – не поэтому ли и Солженицын своих мальчишек к разбору материала привлекает, к перепечатыванию и т.д.? Как часто мы не знаем, о чем говорить со своими детьми, их интересы нам чужды, а наши заботы от них далеки. Они стремятся к сверстникам, развлекаются в оторванности от настоящей жизни, на родительские деньги, которыми родители от них откупаются ... Но пройдет 30 лет, и сын, все еще не найдя общего языка с отцом, отправит его в старческий приют: "там ему будет лучше". Опыт, мудрость прожитой жизни пропадает втуне – связь поколений нарушена. И доживают старики, унося с собою нерастраченный запас времени, нежности, мудрости ретроспективного пересмотра жизненных ценностей – вышел на пенсию, либо захворал. Есть когда в долгие ночи осмыслить прожитое, совместить с услышанным от дедов. Вот что говорит Сергей Алексеев в "Слове": "Человек лишь тогда человек, если он душой помнит свою историю. Отруби эту память – и нет человека. Даты и события – это разве история? А ведь мы своим наследникам так ее и подаем – даты и события Раньше книг мало читали, но устное народное творчество было. Вон из какой глубины предания и сказки идет. Крепкая, значит, память была, емкая. Хватало места где хранить историю. Я одного старика в скиту слушал ..." Напечатано в "Нашем современномнике" № 4 за 1985 год. Ни устарело, как видите. Сила вот этой передачи через поколения – удивительна: в северных губерниях до нашего времени сохранились предания о Владимире Красное Солнышко – через тысячи верст и X веков.

Память, конечно, неплоха и компьютерная. Только она механическая, без души – другая ей цена. Но в избу можно внести и компьютер, и телевизор – изба очень емкая! Но им должна быть предоставлена только подсобная и документально-познавательная роль. А творчество и развлечение в избе обеспечивается общением и духом и всем жизненным укладом.

С тех пор как появилось всеобщее обязательное обучение (которое само по себе, конечно, необходимо) и преклонение перед образованием и интеллектуальным развитием, наилучшие педагоги всего мира мечтают в

поисках решения неразрешимых задач. Презумпция равенства хороша в министерских программах, а как быть с живой детворой? Коэффициент умственного развития редко совпадает с таковым эмоциональной зрелости и расходится с физическим развитием.

Попытки механического обучения глушат творческую инициативу, но дают просто индивидуальному ритму. Правда, только во времени, но не учитывают индивидуальность вообще. Программы общие - пытаются равняться по слабым, воспитывают из более способных лодырей, из средних - преуспевающую посредственность. Равняясь по средним - свергают в уныние менее способных, не помогают развить свои таланты интеллектуальной элите. Повторение курса для малоспособного - незаслуженная травма для старательного и усидчивого ребенка. Перевести более способного на старший курс - обречь его не созревшему психику на ненужное напряжение, а не поспевшее за интеллектом тело - на тумачи от старших возрастом и более сильных. Пушкин был никудышным математиком И. Если бы не чуткие лицейские педагоги (И гибкость администрации) не кончить бы ему лицей. Что могла бы и травмировать первого нашего поэта.

С мифом о равенстве мы никак не можем расстаться. Только в природе нема его, есть только на бумаге у наших горе-статистов и горе-идеологов. Хотя, пожалуй, у них-то его и нет, они-то вожди, для себя его не употребляют, только "фор экспорт". Ну а в массе, идея равенства крепко держится. Знакомую молодежь мы от этого живо вылечили наглядным примером наших сыновей. Одной семье, воспитывались одинаково ...

Ритм времен года отражается на всем образе жизни в избе: зимою все стремятся к очагу, все спят поближе к теплу. Всем нужно приноровится жить так, чтобы не мешать окружающим. А с приближением тепла каждый норовит воспользоваться возможностью индивидуального обиталища, и члены семьи расселяются по светелкам, горницам, клетям, а то и сеновалам - наслаждаться ароматами и шумами близости природы, чтобы к зиме опять радоваться теплу очага и более тесному общению с близкими.

Этот ритм и гармония напоминает процесс дыхания: вдох - выдох, и помогают психической уравновешенности как всей семье, так и каждому члену ее в отдельности. Сейчас очень много говорят о биоритмах. Этот самый биоритм естественно задан в избе - по солнышку и морозу, по церковному календарю, где праздники с обилием эксцентрики, песен, хороводов, плясок, общения и угощения, потребления белков и вообще обильного питания - сменяются постами, духовным подъемом. Покаянием, самокритикой, приведением в порядок взаимоотношений (начиная с Прощеного Воскресения). Самоконтролем (кто, кроме собственной совести, уследит за сорванцом, ворующим в пост яйца из гнезд?). А с точки зрения медицины даже советские врачи рекомендуют "разгрузочные дни". Без животных белков и жиров. Чем не пост? Одни фрукты, овощи и зерновые. Не удивительно, что надобность в диетологах, психологах и психиатрах, специалистах по печеночным, желудочным, почечным, сердечно-сосудистым заболеваниям сводится к минимуму в избе. Добавим к этому баню (регулярное ею пользование).

Кстати о банях. Почему-то говорят о банях финских, турецких, римских. Сколько их всего-то, этих бань было? Сотни? А где вы услышите о сотнях тысяч русских бань? Ведь при редкой избе нет своей баньки!

В чем дело? Нужно русских представить грязнулями? (Орегон). Ритм натурального хозяйства подчиняется временам года. Пахота, сев, огородное хозяйство, сенокос, жатва, сбор урожая - перемежается сбором ягод и грибов, охотой и рыбалкой - не баловством, а для пропитания. Все начиналось с молебна-праздника, обрядов и ритуалов каждый раз особых; наряды, утварь и украшения создавали незабываемые, разнообразные переживания.

Ритм молитвенный и бытовой: весьма строгий пост - в еде, одежде, поведении, даже темных разговоров - и радость, яркость, духовный подъем праздников и умение создать их материальное оформление. Красоты искал русский человек в расположении своего жилища (и в первую очередь храмов) в наиболее живописных местах. Но он не был пассивным потребителем ее, а - творцом: украшал и садиками с цветами, и калитками, крылечками, наличниками, коньками - богатейшим набором выразительных средств. Скульптурой, выпилкой, плетением вытачиванием, раскраской, и даже инкрустацией - снаружи и изнутри, где добавлялись вышивка, вязание, тканье чудесных, глаз радующих предметов ежедневного обихода. Разделочная доска - на ней каждый день лук крошат, а на стенку повесишь - картинка. Рушник - после грязной работы руки вымытые вытирать - произведение искусства. Дуга, сани, лари, ложки, миски, ковры и дорожки, коромысло. Сарафаны, рубахи, запоны, занавески. Человек в избе окружает себя красотой. Гармония господствует в объемах - и в убранстве избы, в одежде. А яркие вышитые запоны (передники) хозяйки и дочек! Обязательно в тон или в контраст с сарафаном, да еще чтобы с вышивкой рубахи гармонировали. Увлечение старинной крестьянской утварью во всем мире в наше время на самом высоком художественном и экономическом уровне (и конечно, на менее высоком - копируя) - неспроста. Действительно, это предметы непревзойденной красоты, формы и практичности, по которым наш современник так соскучился.

Зимою вот в этой избе стар и млад творили красоту, искусство: от сказок и былей, песен, плясок (а разве хореография, балет не искусство?), кончая вышиванием, плетением и вязанием кружев, скульптурой. Наши русские дети играли деревянными, глиняными, соломенными мишками, лошадками, солдатами, мужиками, зайцами истинными произведениями искусства: сравните с рожами или слащавобездарными изделиями сегодняшнего рынка! Коньки, наличники, коромысла и дуги, поставцы, полочки, тканые материи, соблазн нынешним антикварам и модницам - занятные деревянные головоломки солонки и пряничные доски. Человек окружал себя красотой, ежедневно с нею общался, воспитывал свою поросль в

красоте. И веселье. Работали - и пели. Работали чаще вместе, большими группами. Молодежь собиралась работать, потом до рассвета друг друга провожали. Знакомились, приглядывались в труде и церкви и на гулянке. На всю жизнь. Неверность, разводы - редкость. А пока приглядывались - большая свобода. Пели и про несчастные браки. Скорее, чтобы предупредить, насторожить! Берегись, мол, присмотрись внимательнее. Насильные браки - скорее литература и фольклор, редко - патологическая реальность.

Считается, что человек использует в среднем около 2% своих способностей. Развить остальные не представляется случая. Очевидно, желательно бы у каждого максимально развивать наличные таланты, но требовать какой-то минимум в областях слабых. (И Пушкин неплохо уметь сосчитать сдачу). И предъявлять средние требования к развитию средних наших способностей. Какая педагогическая система обладает такой гибкостью? Изба! А для изначальных знаний - смешанная школа с малым числом учеников (индивидуальный подход) и без четкого разграничения уровня. Может быть, и с некоторой частью компьютерного обучения! Потому что кто, как не близкие (конечно, если родные ежедневно, ежечасно имеют возможность любя наблюдать развитие своего отпрыска, а не узнавать о нем из тестов психологов.) Или сельский учитель от кого что можно требовать, чтобы развить максимум способностей в минимум времени и с наименьшей затратой сил. А время останется - не губить его, как в современных детских садах - самую драгоценную в формировании время из всей его жизни - и в школах, а - Богу молиться и Бога славить, жизни и творению Божьему радоваться.

В основном воспитание и формирование наших детей происходит вне нашего поля зрения и внимания. Весь наш образ жизни словно задался целью оторвать нас от собственной кровинушки, мы очень мало знаем о их внутреннем мире, радостях и горестях, об их становлении и взрослении. Мать в избе имела куда больше проникновения в душевный мир своего ребенка.

Сосуществование в избе дает широкое поле произрастанию деликатности и целомудрия, без дикого заострения на "половом вопросе". Росли в одной избе и братья, и сестры родные, а то и двоюродные, и гуляли, и водились, и работали, и плясали вместе - за гумнами, рощами, сеновалами. Какой уж тут родительский усмотр. А во вторую Мировую войну немецкие врачи (которым зачем-то осмотры понадобились) ахали: девушки-то девушками оказывались. А ведь бывают и бойкие какие девки - оторви да брось, и на язык острые, и веселые... "Сексуальное воспитание" не научное, не педагогами, а на скотном дворе проходили, а вот поди ж ты ...

Я предпочитаю хорошее зрение самым совершенным очкам, компьютеру - развитие памяти, счета и других умственных способностей, о которых известно, что человек использует только 2% своих возможностей. Здоровые ноги вместо замечательных костылей или ортопедического кресла, и здоровую спину на твердых скамьях - сеансам кинезиологии и массажам в шикарных, оснащенных по последнему слову техники медицинских институтах.

Кстати, ко всему этому осмыслению векового опыта здоровой, простой, красивой жизни инстинктивно потянулись, иногда после пресыщения комфортом, очень многие. К сожалению, часто неосознанно, только к внешним признакам "старого". Развешивается старинная медная утварь (или более или менее удачная ее имитация), мебель "под старинную", домотканые занавески. Старые печи и камины - неумелые попытки уйти от шаблонов, часто впадающие в новый шаблон "старинности". К этому же можно отнести и каникулы в палатках, рыбацких селах и т.д.

То есть человек, добираясь до максимальных ухищрений комфорта и роскоши, начинает от них отталкиваться инстинктивно, чувствует потребность в возвращении к здоровой жизни, питанию, труду. После бала и ужина с икрой, ананасом и шампанским недаром ходили в Париже в Less Halles рынок - на рассвете, ели луковую похлебку. Никто не предлагает устранить текстильную промышленность со всеми ее теперешними усовершенствованиями, но врачи в 86 году додумались до ... спицетерапии, расхваливая и рекомендуя ее как стабилизирующий психику и биоритм метод... Некое количество механической работы видимо человеку необходим. Знали ли это наши предки, укрощая гнев и горе рубкой дров или стиркой (вручную), беспокойство -пряжей, тканьем, резьбой? Никто не собирается громить фабрики Форда или Шевроле. Но по всему миру бегуны овладели парками и всеми доступными дорожками. Бегут!

Мода чаще всего следует за какой-то истинной потребностью человека, но меры, столь характерной для человека, живущего близ природы в избе - мода не знает. Она доводит все, к чему прикасается, до абсурда. Наши пороки - это гипертрофия наших добродетелей. Можно составить солидный список благотворных свойств избяной жизни, таковой же - своей городской жизни, и найти для себя оптимальный вариант, к которому стремиться. Спасись сам, и около тебя спасутся многие - так говорится?

Если мне зададут вопрос: почему меня прельщает жизнь в избе, то я отвечу "как у нас в Одессе" - вопросом на вопрос: почему архаика вроде охоты, рыбной ловли, жизни в палатке - имеет всеобщее признание, а жизнь в избе - фи? Несмотря на свою последовательную продуманную всеобъемлющую завершенность... Не потому ли, что требует полного пересмотра установок, мужества отказа от тщеславия и общепризнанного комфорта и статуса? Или потому, что она - плод творчества и мировоззрения русского? Мы говорим о банях турецких, финских, а о русских кто знает?

Гармония в распределении времени и обязанностей, в отношениях человеческих, в соотношении поколений, во взаимопроницаемости - в нежестких переходах: объемов избы, распределении времени и обязанностей, соотношения дисциплины и индивидуальной свободы, авторитарности и уважения к личности, женских и мужских ролей, праздника и труда.

Все в избе не жестко, все располагает к творческой инициативе и улучшению, замене и приспособливанию к данному моменту. Хозяин сам художник, сам архитектор, сам конструктор, инженер и строитель; по ходу работ может все изменить и улучшить. Лестница снаружи, лестница внутри, переборки, разные уровни пола - все ему доступно, нет мертвящего "так должно быть". Зимой, когда мороз и вьюга, человек стремится поближе к себе подобным - семья сплачивается в собственно избе.

Когда морозы начинают сдавать - все больше используется дополнительные помещения, утепленные не так основательно. Светелка облюбовывается девушками (там отопление от дымохода, сама она служит изоляцией от холода сверху), сени, каморки и т.д. Летом изба выплескивает своих обитателей еще шире, чтобы насладиться природой, небом воздухом. Им на каникулы не выезжать ... Разве что на богомолье пешком. Через всю матушку Русь ходили богомольцы. В любом возрасте. Горький в рассказе "Рождение человека" описывает богомолку, вот так по дороге к святым местам и родившую Человека.

Принять под своим кровом странника - честь и обязанность. Странника любого социального положения и достатка. А странник в ответ делится своим опытом, впечатлениями, новостями, рассуждениями. Мог и песенный репертуар обносить, и конечно же, расширял кругозор своих гостеприимных хозяев, выгодно отличаясь от "медиа" личным, свободным мнением и эмоциональностью

. Одновременно хозяева практиковали радушие, гостеприимство, милостыню, доброту, христоробие, деликатность - общесемейной акцией. А странник - смирение и свои развлекательные таланты.

Очень сильны были в избе и государственный инстинкт и общерусская связь. Исторические повествования и картинки, успех сбора на погорельцев из самых дальних губерний - на собранное подавание за одно лето крестьянин восстанавливал хозяйство. На храмы! Даже в последнюю Отечественную войну невероятные жертвы и добровольные пожертвования - единственное кольцо, риза с иконы, труд на ниве до изнеможения - тому свидетельства. Во всей толще нашего народа, от Украины до далекой Сибири. Принимали беженцев и сирот, отдавали последнее, даже пленным врагам помогали.

Боголюбивым и богобоязненным, волевым, здоровым, рассудительным, мудрым, предприимчивым, ответственным, достойным воспитывала изба Российского гражданина. Государственный инстинкт действовал индивидуально, самостоятельно. Иван Сусанин не нуждался в подсказке, обсуждении, приказе, агитации, разъяснении, взывании к сознательности, когда поляки постучали в его избу. Он осознал единственный правильный путь и пошел на подвиг, шагнул на смерть из уюта и тепла избы, не предполагая, что о нем станет кому-нибудь известно. А сколько безымянных сусаниных геройски сами решили и сами исполнили свой долг перед родиной за всю нашу историю.

Обычно о внутри-избяной жизни мы судим по отдельным из контекста вырванным наблюдениям - проходя мимо нормальной жизни народа, которая строится по воле Божьей и совести христианской.

Нашими восторгамі руководит не идеализация, а ознакомление с бытовым и историческим материалом и статистика. Мы просто пытаемся воздать должное, призываем к изучению. Кто-то сказал, что наши пороки - это гипертрофия наших добродетелей. То есть добродетель, доведенная до абсурда, добродетель сверх меры - порок. Достоинство без меры становится недостатком. Изба помогла сдерживать, знать меру, пропорцию. Конечно, если человек к этой помощи прислушивался ... Дьякон в Гусева-Оренбургского говорит: ты к голосу Божьему прислушайся, пока Он тебе на ухо нашептывает. Бойся Его когда Он в громе заговорит! (Я по памяти передаю, надеюсь, не переврала очень). Крестьянин осуждает безмерность - в бедности (беспечность? лень? неумение?) и в богатстве (жадность?). И даже в труде: предел труду - силы данного человека. Нельзя допустить, чтобы подросток или молодуха надорвались - они и себе, и всей семье в тягость будут. Грех и старику позволить работать сверх меры. Труд ограничивается и церковной жизнью - в праздники работать грех, а праздников в каждом месяце - несколько, в воскресенье - ни-ни; кроме самого необходимого - подоить, скот накормить. Даже в страду - на праздник прекращаются все работы. Богу помолиться важнее, чем осыпающуюся рожь собрать. Мы привезли с собою кассету - Леня Голованов старовера расспрашивал. Если интересно - можно послушать потом.

Мера и в имуществе: девку нужно одежды заготовить к замужеству - кроме верхней и постели - сундук. Добротной, красивой, расшитой удобной, с запасами в сарафанах и рубахах, и на рост, и на беременность, чтоб носилась со вкусом всю жизнь, да и внучке досталось. И доставались чудесные домотканые - и грубые ткани, те самые, которые сейчас так модны, и тончайшие - века носились! У нас сохраняется пробабкина кофта - времен Наполеона. Тех же времен еще во вторую войну я щеголяла в шубе, которые рабочие суконной фабрики подарили хозяину-купцу Четверикову, когда ему за поставки на войско в Великую Отечественную войну (наполеоновскую) было даровано дворянство. В этой шубе правнук того купца на охоту ходил, а Ярослав з нее перешитую курточку унаследовал - в школу бегал. Вот какая была продукция. Так вот - скрыня, ларь, сундук - один на девку каждую положен, а больше - осуждается: сверх меры.

В избе должно быть просторно, там нет места лишним вещам. Предки наши приобретение ненужных вещей считали грехом, именовали мшелоимством. Зато все нужное по мере сил и умения - украшено. Не лишними, однако, считаются игрушки. Но так же они психологически точно выверены, вот именно нужные ребенку! Это уменьшенные орудия труда - по росту или миниатюры (вот только игрушки ли это или учебные пособия?) или истинные произведения искусств, вызывающие у ребенка нежность или восхищение - все эти коньки, матрешки, медведи, птички, укрепляющие и так немалую связь детской души с творческой нежностью отца, бабки или деда, старшего брата или "крестной". Разве можно сравнить воспитательную ценность незамысловатой свистульки (свистящей) с покупной бездарностью фабричной игрушечной гитары

- безголовой и бессмысленной? В тех случаях, когда игрушка покупалась на ярмарке: первое, она тоже была крестьянского рода-племени, и второе, при дальности базара и важности целой экспедиции, обычно с ночевкой и уймаважнейших хозяйственных или административных дел - выправить какой-то документ, справку, продать-купить корову или урожай, купить двустволку, соль и т.д. - среди этих важных дел покупка расписного пряника, "барыни" и букваря для младшенького есть также акт нежности и признания ценности маленького человека, его личных и не физиологических потребностей, расписка в отцовских чувствах.

Счастливы тот, кого судьба одарила детством в избе, или хотя бы причастила на некий срок избыной благодати. Но мы, сознательно смыывающие с образа избы копоть и грязь злостных подтасовок, измышлений и полуправд, счастливы не меньше - радостью возвращения вам вот этого чуда душевно-духовного эстетического здоровья. Мы надеемся, что сумели передать вам хотя бы частицу того восторга и того умиления, которого мы исполнены с тех пор, как стали избу изучать, надеемся заразить вас этим энтузиазмом и радостью, чтобы продолжили и нашу работу и извлекли из нее для себя бесчисленные крупинки мудрости - житейской. И главное, духовной, которой она наполнена. Смею вас уверить, что мудрость эта применима и в вашей повседневной жизни и в государственных проектах. Про такую простую вещь, как матрешка, народ говорит:

Я одна в другой,
Я одна в другой.
Посмотри в меня, дорогой!
Да не ту, что здесь,
А вот там, внутри,
Посмотри в меня, посмотри!

Вот и про избу тоже сказать нужно. Она не сразу дается, а раскрывается перед вами по мере внимательного изучения. Вот, наугад, один из перлов избыной мудрости. Власть. Любой. "Для властвования нужно избирать того, кто будучи к разумному управлению и руководству способен, сам к власти не стремится, не рвется. Принимает на себя бремя власти, как служение". Народ считает, что только эта власть - от Бога. Тот, кто к власти сам добирается или этого бремени не осознает по легкомыслию, или тщеславу сверх меры, или злоупотреблять будет ...

Власть - страшное искушение. Даже Спасителя дьявол ею искушал. Так вот, в деревнях на власть избирались те, кто ни в коем случае к власти не стремился, те, кому она была тяжким бременем. Даже неумелый меньше бед наделает, чем тот, кто к власти рвется: "ему власть но от Бога". При этой философии, что было бы со всеми нашими выборными властями? Теми самыми, которые гримируются - снаружи и изнутри - лишь бы понравиться своим избирателям, а уж обещают - не меньше луны с небосвода, только бы до власти добраться.

В избе все осмысленно, все выверено, все оправдано. Не всегда этот смысл понятен с первого взгляда. Тем больше удовлетворения, когда при пристальном, внимательном изучении его вдруг обнаруживаешь

Если часто между пороком и добродетелью разница - только вопрос меры, то свобода выбора), а ведь Господь Бог создал нас свободными! До самых глубин, до самых высот - свободными даже в выборе между добром и злом) является важнейшим фактором.

Разница между постом и голодом, трудом-проклятием и трудом-счастьем, тюрьмой и монастырем, и даже - гимнастикой и бессмысленным каторжным трудом только в свободе. Вот этой свободой выбора и пользуется широко и постоянно каждый нормальный крестьянин. Каждую минуту своей жизни он сам решает: сеять или подождать ведра или пойти в церковь? Сеять рожь или что угодно? Сегодня работать или в город ехать или отдохнуть? Идти на охоту или поправить инвентарь к севу?

Он сам себе хозяин, должен учитывать обстоятельства - погоду, нужды семьи, цены. Идет на риск, решает, просит совета, но не ждет приказаний и окриков.

"Современник" № 9, 1985 г., стр.5

Чем меньше человек зависит от покупок, тем он свободнее.

Социализирование советского хозяйства шло под лозунгом укрепления хозяйств, рациональности обработки больших пространств и количеств.

Увеличился поток бумаг в колхозы и совхозы. В них детально предписывалось: когда необходимо закончить подготовку семян к севу, сколько и к какому сроку каждое хозяйство должно вывезти на поля органических удобрений, на какой площади задержать снег и тому подобное. Задания преследовали благую цель и были обоснованными. Но создавалось впечатление, что адресованы они не специалистам с высшим агрономическим образованием, а людям, либо имеющим весьма смутное представление об основах агротехники, либо настолько обленившимся, что и шагу не хотят ступить без особого указания. (Или боятся вредителями оказаться? Примечание мое). Производилось много шума, создавалась видимость бурной деятельности, с трибун звучали призывы к абстрактной ответственности.

В результате? 1. Из свободного хозяина сделали нерадивого раба, ждущего получко-подачки, чтобы выпить. 2. Смешали семенной фонд, утерали местные сорта зерновых, родящие на бедных землях. 3. Поля

зачахли от избытка вредителей - научно доказано, что в русских условиях так охаянные межи мешали распространению их. 4. Навоз на больших фермах из ценнейшего естественного и бесплатного удобрения стал дорогостоящей проблемой - отравляет водоемы, дорого некуда вывозить. 5. Специализация сельского хозяйства перегружает транспорт, продукты гниют из-за недостатка хранилищ. Вся литература бьет в колокол на эти темы: нужны комплексные хозяйства. Нужно безотходное производство! А чем крестьянский двор не самое безотходное производство? Если не говорить об уродливом хозяйстве даже, где хлебопашцам хлеба нет, а просто о гигантских хозяйствах - они ведут жадностью своей в продукции к другому уродливому явлению: сжиганию, гноению, потоплению избытков продуктов. Божьих даров!! Да ведь если "нет цены" на какой-либо продукт, то хозяин его просто не будет производить сверх своего потребления, а займется чем-либо другим, ну хотя бы на Афон пешочком пойдет во славу Божью!

Хватать все что можно, производить побольше, без меры и смысла - русскому, насельнику вот этой избы, совершенно чуждо. И не роскошь, а чувство гармонии руководило молодежью, когда в деревнях на праздники, на гулянье выряджались все - в голубое (Рубахи у парней, сарафаны, платки у девок), или сиреневое или бусовое. Не иначе, как от бедности или недостатков. Чувство цвета, в гармонии и контрасте, в этой среде чрезвычайно развито, оттенки имеют свои специальные наименования, для красного, зеленого - по 8 разных названий. Поэтому, когда мы видим в ансамбле "Березка" чудесные радужные цвета, их переливы в костюмах - не думайте, что это роскошь крестьянскому костюму несвойственная или фантазия постановщика. Это с натуры. А то еще обычай был: девушки за воскресное гуляние несколько раз переоденется - благо, бегать недалеко. Сундук хранил сарафаны и привозных шелков, и парчи, и жемчуга. Правда мода каждый сезон не менялась.

Вот вам изба. Зима. Вне дома - сугробы, мороз. Когда в избе теплынь, то выбежать на мороз - одно удовольствие, но часами там не пробудешь, разве что работая вовсю, иначе обморозишься. И стремится человек поближе к своим отдыхать, в тепло и уют. Крылечко под шапкой. Каждое из этих утверждений - нам кажется, - заслуживает изучения, для понимания философии русской самобытности. Мы не археологи, не кабинетные исследователи. Мы просто ищем в нашем прошлом то, что пригодно быть нашим, не привозным, органическим лекарством нашего настоящего и здоровой базой нашего будущего. Это не означает бездумного возвращения во тьму веков, а - пристального осмысления векового опыта и отбора: это мне годится для духовного здоровья и усовершенствования, для сильного государства - не счет моего рабства, а как содружество свободной инициативы хозяев своей судьбы; для крепкой семьи, для радости бытия, для красивой жизни - красивой без кавычек, умной и здоровой, где удобства и нагрузки умеренны. Для счастья.